

ПОЛЕМИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-77-85

Л. О. Мысовских¹

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина*

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕЧОРИН – ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ РУССКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ?

В статье на примере Г.А. Печорина сквозь призму экзистенциальной философии исследуется тип «лишнего человека», появившийся в русской литературе первой половины XIX века. Автор утверждает, что Печорину присущи некоторые классические экзистенциальные концепты: отчужденность рассматривается в свете экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, самопротиворечивость – в рамках категории отчаяния С. Кьеркегора. Утверждается, что Печорин находится в пограничной ситуации, которая представлена в теориях К. Ясперса. Автор полагает, что лишний человек со временем превратился в экзистенциального героя, описанного в западноевропейской философской литературе XX века, так как в его характере есть зачатки экзистенциализма, хотя многие из них еще дремлют и ожидают влияния времени, чтобы стать активными.

Ключевые слова: экзистенциализм, художественная литература, теория литературы, русская литература, зарубежная литература, философия, лишний человек, экзистенциальный герой, Печорин, Лермонтов

L. O. Mysovskikh

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

GRIGORY ALEXANDROVICH PECHORIN – A SUPERFLUOUS MAN OR A RUSSIAN EXISTENTIAL HERO?

The article examines the type of a «superfluous person» that appeared in the Russian literature of the first half of the XIX century through the prism of existential philosophy using the example of G.A. Pechorin. The author argues that Pechorin is characterized by some classical existential concepts: alienation is considered in the light of the existential philosophy of J. P. Sartre, self-contradiction – within the category of despair of S. Kierkegaard. It is argued that Pechorin is in a borderline situation, which is presented in the theories of K. Jaspers. The author believes that a superfluous person eventually turned into an existential hero described in the Western European philosophical literature of the twentieth century, since there are rudiments

¹ Лев Олегович Мысовских – магистр философии, аспирант филологического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. E-mail: levmisov@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0731-1998.

of existentialism in his character, although many of them are still dormant and waiting for the influence of time to become active.

Keywords: existentialism, fiction, literary theory, Russian literature, foreign literature, philosophy, superfluous man, existential hero, Pechorin, Lermontov

В художественной литературе философия экзистенциализма чаще всего ассоциируется с таким писателями, как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, которые создали своих самых запоминающихся вымышленных персонажей в середине XX века. Однако хорошо известно, что у Сартра и Камю были предшественники. Экзистенциализм берет свое начало у таких философов, как Сёрен Кьеркегор (1813–1855), Карл Ясперс (1883–1969) и Мартин Хайдеггер (1889–1976). Также хорошо известно, что вопросы и идеи, которые можно считать экзистенциальными, такие, как смысл жизни и сложное положение человека во все более чуждом мире и безразличной Вселенной, можно найти еще раньше в мире искусства и литературы. В поисках предшественников экзистенциального героя мы обратимся к русской литературе первой половины XIX века, которая стала свидетелем появления «лишнего человека» в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841). Основной целью данной статьи является исследование образа лишнего человека в «Герое нашего времени», чтобы понять, можно ли рассматривать этот тип в качестве предшественника экзистенциального и абсурдистского героя середины XX века.

При этом необходимо отметить, что попытки найти истоки экзистенциализма в русской литературе первой половины XIX века уже предпринимались. Однако, они по большей части сводились к сравнениям русских писателей с основателем экзистенциализма Сёреном Кьеркегором. Например, В. И. Мильдон [Мильдон, 2002], рассматривая характер Печорина сквозь призму экзистенциализма Кьеркегора, объяснял поступки героя его страхом перед осознанием существования ничто. В. А. Котельников [Котельников, 2014], сравнивая Йоханнеса и Печорина, причислял обоих персонажей к представителям либертинизма за их стремление соблазнять невинных девушек. Но дальше всех, пожалуй, заходит В. С. Баевский, отдавая пальму первенства в основании экзистенциализма не Кьеркегору, а русскому поэту Федору Ивановичу Тютчеву: «в России на десять лет раньше Кьеркегора родился поэт мистических откровений, для которого его глубоко личные трагедии были отзвуками мирового неустройства, подобно Кьеркегору – создатель эзотерических текстов. Да, речь о Тютчеве» [Баевский, 2003, с. 2].

На наш взгляд, параллели, которые можно обнаружить в русской литературе первой половины XIX века с экзистенциальной философией Кьеркегора, конечно, имеют место быть и являются весьма перспективным направлением для дальнейших исследований. Очевидно, что данные аналогии определены и влиянием общей эпохи, в которой жили и творили Кьеркегор, Лермонтов, Тютчев... Однако, помимо сравнения русских писателей с Кьеркегором, нам также представляется интересным ответить на вопрос, является ли «лишний человек», появившийся в русской литературе первой половины XIX века, предшественником экзистенциального героя XX века, описанного в произведениях Жана-Поля Сартра

и Альбера Камю? Поэтому на примере «лишнего человека» Григория Александровича Печорина мы попытаемся найти не только аналогии с экзистенциальными концептами Кьеркегора, но и понять, каковы точки соприкосновения лишнего человека Печорина с экзистенциальными героями Сартра и Камю и в чем их различие.

Лишний человек является продуктом социальной, культурной и политической атмосферы России XIX века, олицетворяя неудовлетворенность, бездействие и лень высшего класса, образованных людей того времени. Б. Т. Удодов писал, что лишние люди «стали «лишними» только потому, что по счастливой случайности каждый из них в своей духовно нищей среде развился в человека, в личность, а в этой среде нужны только частичные, обрубленные «функции» [Удодов, 2014, с. 428]. Такой человек является потомком одиноких, испытывающих жалость к себе и несчастных героев романтического периода: в частности, Гётевского печального молодого Вертера и Байроновского капризного Чайльд Гарольда. В свою очередь, лишний человек является прародителем некоторых невротически застенчивых и безвольных персонажей художественной литературы XX века, которых можно встретить на страницах произведений Кафки, Камю, Сартра, Беккета...

Лишний человек как тип литературного персонажа оказывается отчужденным от общества, не играет в нем существенной роли. Это идеалистический, но неактивный герой, чувствительный к моральным и социальным проблемам, но не предпринимающий активных действий, отчасти из-за личной слабости и уныния, отчасти из-за социальных и политических ограничений свободы. Лишними были люди, отличающиеся своими талантами от посредственного общества, в котором они родились, и были обречены тратить свою жизнь на нечто несущественное, отчасти из-за отсутствия возможности реализовать себя, но, в большинстве случаев, потому что они сами были не способны поставить перед собой какую-либо достойную цель и не имели достаточной силы воли.

Понятие отчуждения начинает зарождаться в философии Гегеля и Кьеркегора, а в XX веке оно получает дальнейшее развитие, особенно в школах феноменологии и экзистенциализма, в которые входили такие мыслители, как Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр. Хайдеггер сосредоточился на «онтологическом отчуждении». Однако, в рамках данной статьи, нам более интересны теории Сартра, который, как и Хайдеггер, говорит об отчуждении и подлинности, но интерпретирует эти термины в контексте этики, а не онтологии. Для Сартра отчуждение возникает в «недобросовестности», которая отказывается от ответственности и свободы человеческого существования. Будучи откровенным атеистом, Сартр утверждает, что, поскольку Бога не существует, люди свободны создавать смысл и ценность своей жизни. Однако такая свобода поначалу воспринимается как огромное бремя, когда люди понимают, что им не на кого положиться, кроме самих себя. Таким образом, только самого человека можно хвалить или обвинять за успехи и неудачи и за то, в чем состоит (если состоит) смысл его жизни. Отчуж-

дение возникает, когда люди отказываются брать на себя ответственность за эту свободу. Они могут либо отрицать реальность того, кем они являются (основываясь на своем прошлом выборе), либо отрицать возможность того, кем они могут стать (благодаря будущему выбору). Подлинность достигается (и, следовательно, преодолевается отчуждение) тем, что человек не убегает перед лицом этой экзистенциальной тревоги или страха. Вместо этого он берет на себя ответственность за свой выбор и, в свою очередь, за создание самого себя.

Из всего вышесказанного мы можем выделить две характеристики интересующего нас типа. Во-первых, лишний человек обладает несколько необычным характером и, как правило, интеллектуально превосходит окружающих его людей. Это уже выдвигает его на роль «героя». Однако, и это, во-вторых, он не может исполнить данную роль, потому что обречен на бездействие из-за внешних обстоятельств, а также собственного характера. Таким образом, он оказывается мрачным персонажем, способным причинить страдания себе и другим. Он, по сути, является новым типом «героя» – единственным его видом, который может произвести современная ему эпоха. Отсюда и название Лермонтова «Герой нашего времени».

Александр Сергеевич Пушкин стал первым писателем, изобразившим «лишнего» человека в описанном выше смысле в своем романе в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831), а в 1840 году появляется Лермонтовский роман «Герой нашего времени», укрепивший данную концепцию в русской литературе. В 1850 Иван Сергеевич Тургенев уже выносит данное понятие в заглавие своего рассказа «Дневник лишнего человека», а к 1856 году Тургенев развивает этот тип человека в романе «Рудин». При этом Пушкин, Лермонтов и Тургенев изображали различные версии лишнего человека, и это одна из причин, почему термин не поддается полному определению. Тем не менее, такой персонаж, как Печорин, может считаться важным представителем этого типа, а тщательный анализ его характера способен дать дальнейшее понимание лишнего человека.

В романе «Герой нашего времени» первые два раздела излагаются анонимным путешественником, который знакомит читателя с Максимом Максимычем, а через него и с Печориным, а последние три раздела составляют дневник Печорина, в котором сам Печорин становится рассказчиком, повествующим о собственных чувствах и поступках. Такого рода вариации в повествовательной технике помогают читателю сформировать более полное мнение о Печорине, поскольку у читателя появляется возможность стать свидетелем не только оценки главного героя другими персонажами, но и самоанализа Печорина.

В первую очередь, внимание читателя привлекает отличие Печорина от окружающих его персонажей. Он определенно не обычный тип, и его можно назвать странным персонажем. Его необыкновенный подход к людям и событиям прослеживается практически во всех аспектах его жизни: от любовных походов до службы в армии. Поэтому неудивительно, что одной из его самых заметных черт является его отчужденность. Печорину трудно устанавливать контакт

с другими людьми, так же как другим трудно находить с ним общий язык. Более того, Печорин без сожаления разрушает те немногие дружеские отношения, которые у него складываются. Самый яркий пример тому – это, конечно, встреча на постоялом дворе с Максимом Максимычем, когда Печорин разбивает сердце несчастному старику.

Не столь душещипательным примером является разрушенная Печориным дружба с доктором Вернером, с которым герой знакомится в Пятигорске. Сначала Печорин чувствует некоторую близость к Вернеру, так как думает, что у них схожий взгляд на многие вопросы. Они довольно хорошо ладят в течение некоторого времени, но Печорин быстро сводит на нет и эту дружбу. После поединка с Грушницким Вернер посещает Печорина, чтобы предупредить его о нарастающих подозрениях по поводу смерти Грушницкого, однако холодного отношения Печорина к Вернеру достаточно для завершения дружбы.

Данные примеры весьма показательны для циничного подхода Печорина к дружбе. Стоит также отметить его собственный взгляд на дружбу: «я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; – рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае – труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги» [Лермонтов, 2014, т. IV, с. 207]².

Таким образом, Печорин является отчужденным персонажем, который недоволен всем, что его окружает. Его недовольство проявляется в основном в виде скуки и цинизма. Кроме того, ему трудно успокоиться, и в романе он постоянно путешествует из одного места в другое, как будто ищет утешения в путешествиях или спасается бегством от чего-то, пытаясь занять свой разум заботами и острыми ощущениями от опасных ситуаций, которые Печорин нарочно ищет. Возможно, «наедине с собой» он острее ощущает определенный диссонанс, который можно назвать экзистенциальной расколотостью. Ведь Печорин человек гордый, энергичный, волевой, честолюбивый. Фактически, это описание нищепанского сверхчеловека. Однако, обнаружив, что жизнь не соответствует его ожиданиям, и ему некуда приложить свои личностные качества, Печорин становится озлобленным, циничным и скучающим. То есть Печорин совершает свой экзистенциальный выбор, попав в пограничную ситуацию, о которой в XX веке писал Карл Ясперс: «духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии» [Ясперс, 1991, с. 322].

Цинизм и скука Печорина в сочетании с его эгоизмом являются одними из главных причин, по которым он вредит окружающим. Роман изобилует такими описаниями. Страдания, которые Печорин причиняет окружающим, варьируются от относительно незначительных сердечных мук персонажей (Максим Максимыч,

² Текст романа М.Ю. Лермонтова цитируется по этому изданию. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

Вернер, Мери, Вера) до, говоря современным языком, откровенно уголовных деяний: похищение несовершеннолетней девочки Бэлы, и убийство Грушницкого на дуэли. Часто трудно понять мотивы злонамеренности Печорина. И ему самому тоже сложно объяснить свои действия. Например, он спрашивает себя, почему он ухаживает за княжной Мери и таким образом пытается разбить сердце Грушницкого, который по уши влюблен в нее, хотя самого Печорина Мери не особо привлекает: «я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молодой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?» (с. 225).

Складывается впечатление, будто Печорин пытается компенсировать свою скуку и недовольство, демонстрируя силу и способность доминировать над другими. Его эго всегда находится на переднем плане. Его самоанализ дает некоторое понимание в этом отношении: «первое мое удовольствие – подчинять моей воле всё, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха» (с. 226). Таким образом, гипертрофированное эго и цинизм Печорина являются его основным средством выживания в мире, от которого он был отчужден и к которому он чувствует враждебность.

Откуда же берутся эти отчуждение и враждебность? Можно утверждать, что главной причиной является отличие Печорина от других и особенно его интеллектуальное превосходство. Он слишком много думает и слишком много задает вопросов, что в конечном итоге приводит к чувству неудовлетворенности всем и всеми вокруг него, включая и самого себя. Чем больше он исследует себя и других, тем более циничным и разочарованным он чувствует себя по поводу природы человека и посредственности мира, в котором он живет. Однако он не предпринимает значимых действий, чтобы справиться с данной ситуацией. Вместо этого он предпочитает постоянно пытаться себя и окружающих, заниматься бессцельной деятельностью, вероятно, используя ее в качестве способа побега. В Печорине примечателен контраст между, с одной стороны, его кажущимся высокоразвитым самопониманием в сочетании с его очевидным талантом и, с другой стороны, его неспособностью достичь чего-либо, кроме причинения страданий себе и окружающим. Такое внутреннее противоречие свойственно не только характеру Печорина, но и всем остальным представителям лишнего человека в русской литературе. Какими бы разными они ни были в других отношениях, обычно все эти типы характеризуются катастрофическим отчуждением от других людей и от какой-либо целенаправленной созидательной деятельности.

Однако это не единственное противоречие в характере Печорина. Интересно, что Печорин порой занимается самообманом, несмотря на свой выдающийся талант к самоанализу. Возможно, это еще один механизм побега, который он использует, чтобы справиться с острым осознанием своей пограничной ситуации. Одним из лучших примеров самообмана Печорина в романе является его объяснение того, как все в конечном итоге сложилось наилучшим образом в конце неудачного дня, когда он убивает Грушницкого. Сразу после пое-

динка он отправляется домой и там получает письмо от Веры, сообщающей, что она уезжает. Не в силах устоять перед своими порывами, Печорин садится на коня и загоняет его насмерть. Перегруженный катастрофическими событиями дня, причиной которых он сам и был, Печорин рыдает, а затем засыпает. Проснувшись, он размышляет так, будто чувствует себя совершенно равнодушным к событиям предыдущего дня: «всё к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово, и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих» (с. 257). Внимательный читатель, однако, осознает тот факт, что Печорин на самом деле глубоко тронут всем, что произошло, и что его холодная, незаинтересованная манера рассуждать является лишь самообманом.

Расколотовость сущности Печорина проявляется и в его отношении к жизни. Он разрывается между желанием полнокровной жизни и отрицанием всего, что может предложить жизнь. С одной стороны, Печорин, кажется, любит жить. Он довольно чувственный, и ему нравится прекрасный пол. Он восхищается природой, которую описывает очень эмоционально и поэтично, что также является свидетельством этой любви. С другой стороны, он порой вполне готов расстаться с жизнью. Это лучше всего иллюстрирует дуэль с Грушницким. Печорин намеренно предлагает условия, которые сделали поединок гораздо более опасным как для его собственной жизни, так и для жизни его противника. Тут он довольно равнодушен к жизни, которую в другое время, казалось бы, любит. Столь резкие противоречия в мировоззрении могут сочетаться только в таком неординарном персонаже, как Печорин. Фактически, участие в дуэли с Грушницким можно рассматривать как усложненную попытку самоубийства. Если Печорин рассматривал смерть как способ избавления от собственных душевных страданий, то это в конечном счете совпадает с оценкой смерти Сартром как абсурдной, бессмысленной ничтожности. На первый взгляд, в данной ситуации Печорин выступает в роли экзистенциального героя, осуществляющего свой выбор самоубийства. Но, по нашему мнению, это все же не так, ибо гипотетическое самоубийство Печорина не является тем видом свободного выбора и значимых действий, которые так решительно повторяются в философии Сартра. Напротив, это указывает на то, что Печорин оказывается неспособным противостоять своему отчужденному существованию и обеспечить собственное выживание.

Иногда Печорин не в состоянии сформировать единое, последовательное мнение по какому-либо вопросу, и это является еще одним свидетельством его самопротиворечивости. И тут напрашивается параллель с описанным Кьеркегором понятием отчаяния, которое рассматривается как грех и «болезнь к смерти». «Отчаяние – это безнадежность, состоящая в невозможности даже умереть» [Кьеркегор, 2014, с. 34]. В структуру отчаяния входит конфликт с самопротиворечием, которое и мучает Печорина. По Кьеркегору, столкновение со смертью

приводит человека к этическому самопротиворечию. Заключительная глава «Фаталист» – хороший тому пример. «Фаталист» – это демонстрация противоречивых мнений Печорина о том, стоит ли верить в предопределение. Он начинает как человек, который не верит в предопределение. Однако переживания, через которые он проходит, несколько меняют его мнение, но все же окончательно он не уверен, может ли назвать себя фаталистом: «после всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем, или нет?.. И как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..» (с. 267). Эти слова Печорина еще раз иллюстрируют расколотость, от которой он страдает и которая является одной из главных причин его скептицизма, цинизма и недовольства. Будучи рефлексивной личностью, Печорин резюмирует свою ситуацию в одном из разговоров с доктором Вернером: «я взвешиваю и разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его» (с. 267).

В свете приведенного выше анализа характера Печорина попробуем задаться вопросом, каковы точки соприкосновения лишнего человека и экзистенциального героя? С одной стороны, можно утверждать, что образ Печорина с его высоким интеллектом в сочетании с недовольством и отчуждением напоминает острое осознание абсурдистским персонажем всей степени своего жалкого состояния, о котором писал Альбер Камю в «Мифе о Сизифе»: «Сизиф, пролетарий богов, бессильный и возмущенный, знает сполна все ничтожество человеческого удела – именно об этом он думает, спускаясь вниз. Ясность ума, которая должна бы стать для него мукой, одновременно обеспечивает ему победу. И нет такой судьбы, над которой нельзя было бы возвыситься с помощью презрения» [Камю, 2014, с. 277]. Кроме того, в романе есть моменты, когда Печорин, кажется, высоко ценит свою свободу. Например, объясняя свою неспособность предложить брак княжне Мери, Печорин говорит: «я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам» (с. 241). Это напоминает акцент Жана-Поля Сартра на том, что люди обречены быть свободными: «мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» [Сартр, 1990, с. 327]. Однако в других случаях склонность Печорина к фатализму серьезно расходится с аргументом Сартра о том, что «нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода» [Сартр, 1990, с. 327]. Так же, как и другие лишние персонажи, Печорин не способен к осмысленным действиям. Это еще одно качество, которое отличает его от экзистенциального героя, который, по мнению Сартра, является «таким человеком, каким он сделает себя сам» [Сартр, 1990, с. 323]. Таким образом, можно утверждать, что в характере лишнего человека есть зачатки экзистенциализма, но многие из них еще дремлют и ожидают влияния времени, чтобы стать активными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баевский, В.С. Тютчев: поэзия экзистенциальных переживаний / В.С. Баевский // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – № 6. – С. 1–10.

Камю, А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула / А. Камю. – Москва, АСТ, 2014. – 381 с.

Котельников, В.А. Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма / В.А. Котельников // Русская литература. – 2014. – № 3. – С. 28–40.

Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор. – Москва, Академический проект, 2014. – 160 с.

Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Санкт-Петербург, Изд-во Пушкинского Дома, 2014. – 672 с.

Мильдон, В.И. Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели / В.И. Мильдон // Октябрь. 2002. – № 4. – С. 177–186.

Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – Москва: Политиздат, 1990. – С. 319–344.

Удодов, Б.Т. Печорин: временное и вечное / Б.Т. Удодов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2. – Санкт Петербург, РХГА, 2014. – С. 415–445.

Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва, Политиздат, 1991. – 527 с.

REFERENCES

Baevskij, V.S. Tjutchev: poezija jekzistencial'nyh perezhivanij / V.S. Baevskij // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. – 2003. – Т. 62. – № 6. – С. 1–10.

Kamju, A. Postoronnij. Mif o Sizife. Kaligula / A. Kamju. – Moskva, AST, 2014. – 381 s.

Kotel'nikov, V.A. Sjuzhet s knjazhnoj Meri i tradicija literaturnogo libertinizma / V.A. Kotel'nikov // Russkaja literatura. – 2014. – № 3. – С. 28–40.

K'erkegor, S. Bolezn' k smerti / S. K'erkegor. – Moskva, Akademicheskij proekt, 2014. – 160 s.

Lermontov, M. Ju. Sobranie sochinenij: v 4 t. Т. 4. Proza. Pis'ma / M. Ju. Lermontov. – Sankt-Peterburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2014. – 672 s.

Mil'don, V.I. Lermontov i Kirkegor: fenomen Pechorina: ob odnoj russko-datskoj paralleli / V.I. Mil'don // Oktjabr'. – 2002. – № 4. – С. 177–186.

Sartr, Zh.-P. Jekzistencializm – jeto gumanizm / Zh.-P. Sartr // Sumerki bogov. – Moskva, Politizdat, 1990. – С. 319–344.

Udodov, B.T. Pechorin: vremennoe i vechnoe / B.T. Udodov // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. Т. 2. – Sankt Peterburg, RHGA, 2014. – С. 415–445.

Jaspers, K. Smysl i naznachenie istorii / K. Jaspers. – Moskv, Politizdat, 1991. – 527 s.